

УДК 314(477.61/.62)

ВОЕННЫЙ КОНФЛИКТ НА ВОСТОКЕ УКРАИНЫ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОТЕРИ И СДВИГИ В НАЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ ДОНБАССА

© 2016 г. С.Я. Сущий¹

Аннотация. В статье анализируются современные этнодемографические и миграционные процессы на востоке Украины; исследуется динамика демографического потенциала и национальной структуры населения Донбасса; определяются масштабы и структура прямых и косвенных потерь военного конфликта; изучается влияние разделения региона (на пророссийскую (народные республики) и украинскую части) на динамику его демографического потенциала.

Взвешенная оценка общего числа жертв конфликта на востоке Украины позволяет говорить о 15–26 тыс. чел.: потери среди военных Украины и ополченцев находятся в пределах 9–18 тыс. чел., среди гражданского населения – примерно 6–8 тыс. чел. Рост смертности и сокращение рождаемости привели к потере еще 50–60 тыс. чел.

Оценка численности современного постоянного населения украинского Донбасса и самопровозглашенных республик позволяет делать вывод о потере примерно 25–40 % их демографического потенциала (прежде всего вследствие масштабной миграции, которая на пике вооруженного противостояния достигала 1,7–1,8 млн чел.). Еще более серьезной может оказаться трансформация национальной структуры населения украинского и пророссийского Донбасса. Причем вектор этой трансформации в двух частях региона будет противоположным. На территориях, контролируемых Киевом, может ускоренным темпом развернуться этническая украинизация местного населения, тогда как в народных республиках будет столь же быстро идти процесс обрусения. Такие этнодемографические сдвиги могут определяться не только ассимиляционными процессами, но также интенсивным миграционным «перетоком» по этническому признаку.

Ключевые слова: этнодемография Донбасса, миграционная активность, динамика рождаемости и смертности, прямые и косвенные потери населения.

THE MILITARY CONFLICT IN EASTERN UKRAINE: DEMOGRAPHIC LOSSES AND CHANGES IN THE NATIONAL STRUCTURE OF THE POPULATION OF DONBASS REGION

S.Y. Sushchiy¹

Abstract. The article analyzes contemporary ethnic-demographic and migration processes in Eastern Ukraine; investigates the dynamics of the demographic potential and of the national structure of the population of Donbass region; defines scopes and structure of direct and indirect losses of military conflict; studies the impact on the dynamics of demographic potential of the region, its split into Pro-Russian (people's Republics) and Pro-Ukrainian parts.

A balanced assessment of the total number of victims of the conflict in eastern Ukraine allows to talk about 15–26 thousand people. The loss in the military of Ukraine and the rebels were about 9–18 thousand people, among the civilian population of about 6–8 thousand people. Increasing mortality and decreasing of birth rate has led to loss another 50–60 thousand people.

The estimation of the resident population of Ukrainian Donbass and self-declared republics allows to make a conclusion about the loss of approximately 25–40 % of their demographic potential (first of all, due to large-scale migration, which at the peak of the armed conflict amounted 1,7–1,8 million people). Even more serious may be the transformation of the national structure of the population of Ukrainian and Pro-Russian Donbass. Moreover, the vector of this transformation in two parts of the region will be the opposite. In the territories,

¹ Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН (Institute for Social and Economic Research and Humanities, Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation), Российская Федерация, 344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41, e-mail: SS7707@mail.ru

controlled by Kiev, can be deployed ethnic Ukrainization of local population, while in people's republics will just as quickly go the process of russification. These ethno-demographic shifts can be determined not only by assimilation processes, but also by intensive migration "flow" by ethnic sign.

Keywords: ethnodemography of Donbass, migration activity, dynamics of fertility and mortality, direct and indirect losses of the population.

Глубокий общественно-политический кризис на Украине осенью 2013 г. – зимой 2014 г., силовая смена центральной власти в феврале 2014 г. стали отправной точкой социального противостояния на востоке страны, которое закончилась масштабным вооруженным конфликтом. Война на Донбассе привела к значительным человеческим потерям, связанным как с прямыми жертвами военного противостояния, так и с косвенными жертвами, обусловленными сверхсмертностью населения, существенным ухудшением его воспроизводственных характеристик, масштабной миграцией. Создание в пределах Донбасса двух пророссийских социумов (Донецкой и Луганской народных республик) становится фактором, существенно влияющим на этнодемографическую и миграционную динамику востока Украины; запускает целый комплекс этнодемографических процессов, которые в течение многих лет будут определять численность населения Донбасса, его национальную структуру, основные сдвиги системы расселения, векторы и масштабы миграционной активности.

Данная тема в значительной степени является новой для науки, поскольку связана с исследованием этнодемографических и миграционных последствий актуального военного конфликта, начатого весной 2014 г. и в полной мере не прекращенного до настоящего времени. Вместе с тем в последние два года вышел ряд серьезных монографических исследований (выделим среди них работы Г.Г. Матишова [1] и В.Д. Пихоровича [2]) и сборники научных статей [3; 4], посвященных украинскому кризису, освещавших в том числе этнодемографическую и миграционную его составляющие.

Использование аналитических и статистических источников (данные Укрстата и статкомитетов самопровозглашенных республик) позволяет компенсировать очевидный дефицит достоверной информации по современной этнодемографической динамике как Донбасса в целом, так и отдельных его субрегионов.

На протяжении всего советского периода Донбасс являлся одним из наиболее густонаселенных регионов Украины. В двух областях, занимавших 8,8 % площади республики, в 1989 г. проживало 15,9 % ее населения (8,2 млн из 51,7 млн чел.). Но постсоветский период оказался связанным с быстрым сокращением населения Донбасса, су-

щественно превосходящим по темпам показатели депопуляции всей Украины. Если страна в целом потеряла в 1989–2001 гг. 6,3 % своего населения, то Луганская область – 11,1%, Донецкая – 9,2 % (соответственно первое и третье места среди областей Украины по темпам демографической убыли). Общие потери региона в первое постсоветское десятилетие составили более 800 тыс. чел. В начале XXI в. сохранялась тенденция опережающей депопуляции Восточной Украины. Масштабы и темпы этого процесса несколько снизились, но каждый год население Донбасса продолжало терять примерно 70–90 тыс. чел., прежде всего вследствие естественной убыли, которая в обеих областях еще в середине 2000-х гг. ежегодно превышала 1 % от общей численности населения. К весне 2014 г. население Донбасса сократилось до 6,35 млн чел. Таким образом, за четверть века, прошедшую после последней советской переписи, регион потерял почти два миллиона жителей (более пятой части своего населения) и его демографический потенциал вернулся к уровню середины 1950-х гг. При этом именно последние предкризисные годы (2011–2013 гг.) были для Донбасса наиболее благополучными в демографическом отношении за весь постсоветский период: ежегодные естественные потери снизились до 40–45 тыс. чел., миграционные – до 6–7 тыс. чел.

Миграционная активность. Вплоть до весны 2014 г. масштабы миграционной динамики востока Украины сохранялись. Изменения были связаны только с некоторым ростом оттока в Россию населения, встревоженного событиями в столице страны. Но действительно значительные размеры миграционный отток стал приобретать во второй половине весны, по мере эскалации конфликта на востоке Украины и перехода его в стадию вооруженного противостояния. Однако его реальные масштабы оттока не фиксировались соответствующими органами ни Украины, ни России.

Происходило это по разным причинам. С одной стороны, миграционные службы обеих стран были склонны завышать число беженцев, чтобы подчеркнуть размер гуманитарного бедствия. Но свою роль играло и многообразие жизненных ситуаций, в которых оказывается население, покинувшее территорию военных действий. В частности, многие

перебирались на время к родственникам в другие регионы, фактически превращаясь в беженцев, не будут зарегистрированными в качестве таковых.

Серьезно осложнял оценку миграционной активности ее пульсирующий характер, напрямую связанный с масштабами и географией военного противостояния, поскольку именно приближение фронта становилось главным фактором резкого роста числа беженцев, а соответственно и сокращения численности наличного местного населения. Следует отметить и то, что наиболее активные боевые действия велись в летние месяцы – во время массовых отпусков. И часть покидавшего Донбасс населения могла совмещать выезд на отдых с бегством от войны.

Но при всех возможных оговорках и уточнениях факт огромного числа вынужденных переселенцев и беженцев из региона сомнения не вызывает. Своего пика отток населения мог достигать в июле – августе 2014 г., когда множественные линии вооруженного противостояния практически полностью сместились в пределы донецко-луганского урбанистического пояса, включавшего, помимо двух областных столиц, десятки крупных и средних городских центров. В это время в пределах прифронтовой зоны оказались миллионы жителей Донбасса.

К весне 2015 г. число беженцев в пределах Украины, по данным ООН, достигло почти 1,3 млн чел. [5]. Иными словами, несмотря на то что пик военного противостояния остался в прошлом, число беженцев оставалось значительным. Но, очевидно, данная цифра нуждается в анализе.

Преобладающую часть данной группы составляли инвалиды и люди пенсионного возраста. Основная их масса (647 тыс. чел. – более 50 % от общего числа) разместилась в пределах контролируемых украинскими силовиками районов Донецкой и Луганской областей, а также в прилегающих к Донбассу регионах Украины (в Харьковской, Запорожской, Днепропетровской областях, в которых в сумме было зарегистрировано 333 тыс. чел. – почти 26 % перемещенных лиц). То есть более трех четвертей всех беженцев было сконцентрировано в непосредственной близости от народных республик. Причем, повторимся, основная масса – пенсионеры. Из 470 тыс. беженцев, зарегистрированных в украинской части Донецкой области, пенсионеров более 70 %; из 176 тыс. перемещенных лиц, осевших Луганской области, пенсионеров более 75 %.

Учитывая подобную возрастную структуру, как и саму географию размещения данного контингента, есть все основания считать, что реальное число вынужденных переселенцев в пределах Украины было в несколько раз ниже цифры, озвученной специалистами ООН. Как замечает В.В. Вовк,

«люди живут в Донецке, Новоазовске и Луганске, а по документам “числятся” в Мариуполе, Харькове или Артёмовске, где родственники получают пенсию в банкоматах и правдами-неправдами переправляют её в зону так называемой АТО» [6].

Возрастная структура беженцев в удаленных от востока Украины регионах была приближена к средней для всего населения страны. И можно предположить, что в данном случае речь действительно идет о перемещенных лицах. Но их общая численность не превышает 300–320 тыс. чел.

Самым значительным был миграционный отток с востока Украины в Россию. Уже в июне 2014 г., по данным ФМС России, российскую границу со стороны Донбасса ежедневно пересекало 5–10 тыс. чел. [7]. А на пике военного противостояния ополченцев и украинских силовиков (июль – август того же года) данные числа выросли в несколько раз. К концу лета в граничащих с Донбассом районах России находилось около 400 тыс. чел. выехавших с востока Украины. Несмотря на то что вынужденных переселенцев в это время приняли десятки российских регионов, основная масса беженцев пыталась по возможности осесть как можно ближе к границе, чтобы при первой возможности вернуться на восток Украины.

Данная пространственная «стратегия» отчетливо фиксировалась даже в самих сопредельных восточных Украины российских регионах. Так, в Ростовской области основными центрами концентрации донбасских беженцев летом 2014 г. стали примыкающие к Донецкой области Неклиновский, Матвеево-Курганский, Куйбышевский районы и граничащий с Луганской областью Тарасовский район. По мере удаления от границы число беженцев резко сокращалось. Остановка активных боевых действий и начало минского переговорного процесса способствовали сокращению потока беженцев и позволили уже в начале осени 2014 г. организовать процесс их возвращения на восток Украины. Хотя крайне тяжелое социально-экономическое положение, в котором оказались народные республики Донбасса, не позволило этому возвратному движению стать массовым.

Скорее можно было говорить о возникновении мощного канала циркуляции населения между народными республиками и Россией (прежде всего Ростовской областью, единственным регионом РФ, имеющим сухопутную границу с повстанческим Донбассом). При этом доминирующий вектор перемещения населения по этому «коридору» зависел от совокупности обстоятельств, среди которых существующий уровень силового противостояния Украины и ДЛНР, социально-экономические факторы, время года и т. п.

Таким образом, речь уже шла не об одностороннем мощном движении, но о крайне высокой общей миграционной активности. По данным главы ФМС России К. Ромодановского в апреле 2015 г. количество беженцев с востока Украины в РФ составляло 954 тыс. чел. [8].

Чуть более трети выехавших с Донбасса (331 тыс. чел.) запросили статус беженца в России с предоставлением временного убежища. Еще 36 тыс. чел. оформили вид на жительство в России, 76,4 тыс. чел. подали заявление о предоставлении российского гражданства. То есть на окончательный переезд в Россию к этому времени решилось только 112 тыс. чел. (менее 12 % от общего числа беженцев). А основная масса выехавших с востока Украины к середине весны 2015 г. еще не определилась с окончательным решением. Но в любом случае основной страной их пребывания в это время оставалась Россия (как правило, они появлялись на Донбассе раз в три месяца, чтобы затем получить возможность получить новую 90-дневную российскую визу).

Итак, в общей сложности за пределами Донбасса в 2015 г. находилось около 1,2–1,3 млн его жителей, т.е. примерно 20 % его населения. При этом «невозвратные» потери демографического потенциала региона были в несколько раз меньше. Решили не возвращаться в Донбасс приблизительно 200–300 тыс. чел.

Демографические потери населения региона.

Точная статистика, касающаяся как прямых жертв, так и косвенных потерь военного конфликта, отсутствует. Соответственно, любые расчеты данных двух показателей по необходимости носят экспертный (то есть приблизительный) характер.

Присутствующие в информационном поле оценки общего числа прямых жертв конфликта на востоке Украине составляют от 8 тыс. до 50–55 тыс. чел. По оценке ООН, потери гражданского населения Украины за неполных два года конфликта (весна 2014 г. – осень 2015 г.) превысили 9 тыс. чел. [9]. Максимальная оценка принадлежит немецким журналистам (газета “Frankfurter Allgemeine”), согласно которой к концу зимы 2015 г. конфликт унёс жизни 50 тыс. чел. [10]. К осени 2015 г. эта цифра должна была вырасти еще больше.

Прежде всего отметим, что основная масса жертв пришлась на 2014-й год, причем на летний период, связанный с максимальной интенсивностью боевых действий и самой широкой их географией. На этот период приходится и максимальная доля неучтенных потерь как среди военных противоборствующих сторон, так и среди мирного населения. На летние месяцы пришлись основные «котлы», в которых украинские силовики понесли

наибольшие потери (только под Иловайском было убито около тысячи солдат и офицеров ВСУ) [11]. Но весьма велики в этот период были и потери ополченцев, значительная часть которых до 2014 г. не имела отношения к военной службе.

В интервью Первому национальному телеканалу Украины, данному 9 марта 2015 г., П. Порошенко озвучил официальную цифру потерь украинских силовиков – 1549 чел. [12]. С учетом гибели военнослужащих ВСУ в последующие месяцы эта цифра должна была увеличиться к концу года до 1750–1800 чел.

Это значение можно считать минимумом в возможном диапазоне военных потерь Украины. Верхнюю их границу задает оценка российских экспертов патриотической ориентации, по расчетам которых за все время конфликта (до середины ноября 2015 г.) украинская армия потеряла убитыми 34 960 военнослужащих [13]. Таким образом, амплитуда крайних оценок была 20-кратной. Но большинство экспертов считает, что цифры, озвучиваемые украинскими политиками и штабом АТО, следует увеличивать только в 3–4 раза. Наиболее вероятной оценкой является гибель 5–10 тыс. украинских военнослужащих.

Несколько меньшими по сравнению с этим данными должны были быть потери ополчения. Но если информации о потерях ВСУ, пусть и самой противоречивой, достаточно много, то число убитых ополченцев оказывается величиной еще более трудно определяемой. Это и понятно, учитывая стихийный характер возникновения многих подразделений ополчения весной – летом 2014 г., способы их пополнения и минимальный уровень кадрового учета на первых этапах вооруженного противостояния.

Как наступающая сторона, ВСУ летом 2014 г. могли нести большие потери, чем ополчение. Но в рядах последнего в данный период была выше доля новичков. Не говоря уже о том, что сам характер военных действий с преобладанием артобстрелов друг друга над «лобовыми» столкновениями должен был количественно сближать потери сторон. Наконец надо учесть и то, что последняя крупная военная операция конфликта – взятие Дебальцево – оказалась связана с большими потерями среди ополченцев, уже вполне сопоставимыми с потерями ВСУ. Таким образом, общая величина потерь ополчения за все время конфликта могла быть несколько меньше, чем в ВСУ, и составлять 4–8 тыс. чел. А значит, общее число убитых в боях (с обеих сторон конфликта) могло находиться в пределах 9–18 тыс. чел.

При этом необходимо учитывать, что данные цифры включают не только жителей Донбасса, но и представителей других регионов Украины, россиян

и выходцев из многих других стран мира. Принимая во внимание, что едва ли когда-нибудь точный размер понесенных потерь будет установлен, не поддается сколько-нибудь достоверному определению и соотношение в данных потерях местного и «неместного» населения. И потому с абсолютной условностью можно принять их за 50 % (то есть в самом первом приближении по 5–9 тыс. чел. с обеих сторон).

Не менее сложной задачей является и расчет прямых потерь гражданского населения. Имеется множество свидетельств того, что массовой гибели мирного населения в результате обстрелов или тем более карательных акций ВСУ в регионе не было. Другое дело, что даже ограниченное число погибших мирных жителей во многих десятках (если не сотнях) населенных пунктов Донбасса летом 2014 г. должно было складываться в серьезную цифру. Если исходить из того, что реальные цифры потерь мирного населения в это время были также в 2–3 раза выше официально зафиксированных, речь должна идти о многих тысячах жертв.

По официальным данным, за 2014 г. на востоке Украины погибло 2250 мирных жителей, в том числе 35 детей [14]. Около тысячи человек погибло в 2015 г. Причем в данный период учет жертв был уже организован с обеих сторон. Основной недоучет жертв относится к 2014 г. Есть основания предполагать, что он в целом соответствовал недоучету боевых потерь. Иными словами, уровень недоучтенных потерь был существенно выше и требовал «поправочного» коэффициента. Исходя из этого предположения число жертв среди гражданского населения за все время конфликта составило 6–8 тыс. чел. (из них 5–7 тыс. чел. пришлось на 2014 г.) и практически все они (в отличие от погибших на поле боя) были местными жителями. Таким образом, общая величина прямых жертв войны на Донбассе может составлять 15–26 тыс. чел., из которых примерно 10–17 тыс. чел. были уроженцами региона.

Еще более значительными были косвенные потери населения Донбасса. Согласно данным Укрстата, число умерших в Донецкой области в 2014 г. выросло в сравнении с предыдущим годом только на 2,45 тыс. чел. [15]. Между тем даже самый приблизительный расчет показывает, что увеличение смертности только в пределах самопровозглашенных народных республик, осаждаемых украинскими силовиками, всего на 10–20 % должно было уносить каждый летний месяц дополнительно около 1000–2000 жизней.

Однако уровень смертности в районах, приближенных к боевым действиям, летом 2014 г. мог вырасти гораздо значительнее. Учитывая же, что прифронтовой зоной в это время стал как раз урбанистический пояс Донбасса, концентрировавший

более половины населения региона, сверхсмертность только за три летних месяца могла составлять от 4–5 до 7–10 тыс. чел.

Прекращение активных боевых действий осенью 2014 г. не отменило действия большинства факторов смертности населения региона, связанных с разрушением медицинской инфраструктуры и всех других центральных систем жизнеобеспечения Донбасса, резким падением уровня жизни населения, социопсихологическим шоком. Более того, многие социальные проблемы в осенне-зимний период должны были только обостриться. Это должно было сохранять смертность населения (прежде всего людей старших возрастов) на очень высоком уровне. Данный показатель как минимум должен был вернуться к уровню начала 2000-х гг., когда он составлял в регионе 18–19 ‰. В действительности же в условиях Донбасса конца 2014 г. – начала 2015 г. легко представить его рост до 25–30 ‰.

Существенно и то, что сверхсмертность была характерна для всех групп регионального населения региона – как для тех, кто оставался в Донбассе (в двух самопровозглашенных республиках и на территориях, контролируемых украинскими военными), так и для огромного числа беженцев и вынужденных переселенцев, покинувших зону конфликта, сконцентрированных в десятках регионах России и Украины. Если для всех этих групп в качестве среднего показателя исходить из коэффициента смертности 20 ‰ (что, скорее всего, является занижением его реального уровня), сверхсмертность населения Донбасса с сентября 2014 г. по май 2015 г. могла составить 17–20 тыс. чел. В дальнейшем, по мере стабилизации социально-экономического положения, восстановления социальной инфраструктуры и некоторого улучшения условий жизни населения региона, коэффициент смертности должен был начать сокращаться. Но и в настоящее время можно предположить, что он находится на уровне первой половины 2000-х гг. Иными словами, сверхсмертность населения Донбасса в настоящее время может составлять около 2 ‰ и с большой вероятностью будет сохраняться на этом уровне еще долгое время (если не произойдет нового военного обострения со всеми вытекающими социально-демографическими последствиями).

Итак, сверхсмертность населения региона в мае – декабре 2015 г. составила 8–9 тыс. чел., а в целом за все время конфликта на востоке Украины 30–40 тыс. чел.

Косвенные демографические потери связаны с сокращением рождаемости. Очевидно, что основной реакцией местного населения на военный конфликт стало ошутимое сокращение репродуктивной активности. С учетом того, что политиче-

ское противостояние начало серьезно ощущаться в регионе со второй половины марта – в апреле, нарастающий спад рождаемости в Донбассе должен был начать фиксироваться с конца 2014 г. И общие масштабы рождаемости населения региона за весь год сократились в незначительной степени.

Зато абсолютно провальным в плане рождаемости должен был быть 2015-й год. Учитывая положение, в которой летом – осенью 2014 г. оказалось население территорий Донбасса, вошедших в пределы народных республик, масштабы репродуктивной активности здесь должны были сократиться в несколько раз. Едва ли решимость заводить в данный момент детей могла возникать и у вынужденных переселенцев, покинувших регион, тем более что огромное число семей оказалось временно разделенными. Очевидно, что и жители районов, контролируемых украинскими силовиками, также в своей массе должны были стараться передвигать планы пополнения своих семей на будущее, до появления большей политической определенности и достижения социально-экономической стабильности.

В такой ситуации и снижение в 1,5–2 раза уровня рождаемости (т.е. падение ее до 4–5 ‰) не выглядит невероятным. Если исходить из того, что абсолютные данные Укрстата по числу родившихся в регионе верны, то демографические потери региона в 2015 г. составили около 25 тыс. чел. Конечно, какое-то количество детей появилось в семьях донбасских беженцев в других регионах Украины и России. Но очевидно, что у данной группы населения (1,2–1,3 млн чел.) репродуктивная активность также была самой низкой и едва ли превышала уже обозначенные 4–5 ‰. Это дает не более 5–6 тыс. новорожденных за год. А значит, по всему массиву регионального населения, вне зависимости от его современного местоположения, демографический «недород» в 2015 г. составил примерно 19–20 тыс. чел. Причем, как и в случае со смертностью, снижение рождаемости продлится еще минимум два – три года, даже в случае самого оптимистичного варианта развития событий. Но весьма вероятно, что коэффициент рождаемости населения Донбасса будет «недобирать» 1–2 ‰ многие годы.

Итак, косвенные демографические потери региона за время конфликта (весна 2014 г. – 2015 г.) составили около 50–60 тыс. чел. (из которых 30–40 тыс. чел. – результат сверхсмертности населения). А с учетом прямых жертв войны среди военных и мирного населения Донбасс потерял в 2014–2015 гг. 60–77 тыс. чел.

Демографический потенциал современного Донбасса. Несмотря на значительные человеческие потери, связанные с военным конфликтом,

официальные цифры Госкомстата Украины, фиксирующие текущую естественную динамику и миграционную активность населения, практически не дают представления о масштабах демографического кризиса на Донбассе. Показательно, что столь же сомнительной является и демографическая информация, публикуемая комитетами статистики народных республик.

Согласно информации Укрстата, наличное население Донецкой и Луганской областей в их административных границах за период с 1 февраля 2014 г. по 1 августа 2015 г. сократилось только на 1 % (в Донецкой – с 4,32 до 4,28 млн чел.; в Луганской – с 2,23 до 2,21 млн чел.). Аналогичный процент убыли фиксируют и данные Комитетов статистики ДНР и ЛНР [16; 17]. При этом более миллиона жителей Донбасса (в своем большинстве проживавших до начала военного конфликта на территориях народных республик) в это время находились в России и в других регионах Украины.

Есть основания полагать, что по состоянию на лето – осень 2015 г. численность населения повстанческого Донбасса была меньше в сравнении с довоенным уровнем на 1–1,2 млн чел. В это время численность населения ДНР могла составлять около 1,5–1,7 млн чел., ЛНР 1,0–1,1 млн чел. В пределах районов Донецкой области, подконтрольных Киеву, осенью 2015 г. проживало около 1–1,1 млн чел. (что составляло 50–53 % от довоенного уровня), в пределах «украинской» Луганской области – около 550–570 тыс. чел. (до 80 % жителей от уровня 2013 г.).

Дальнейшая военно-политическая и социально-экономическая стабилизация востока Украины должна привести к возвращению в регион значительного числа беженцев, способных существенно увеличить население как украинской, так и повстанческой частей Донбасса. Однако во второй половине 2015 г. его наличное население могло составлять около 4,5 млн чел., т.е. было примерно на два миллиона меньше, чем двумя годами ранее (потеря 25–35 % демографического потенциала).

Помимо непосредственно количественной составляющей демографического потенциала, значение имеет и его пространственная структура. Возникшие в пределах региона новые линии размежевания постепенно трансформируются в политические границы, приобретают все большую устойчивость, становятся важнейшими факторами пространственной трансформации исторически сложившейся системы расселения региона. Становление самопровозглашенных республик в качестве политически независимых от Украины социумов уже запустило процесс территориальной перецентрировки поселенческой сети всего региона. География населения самым непосредствен-

ным образом будет учитывать новый политический ландшафт региона.

Очевидно, что устойчивая депопуляция ожидает разделяющие самопровозглашенные республики территории, подконтрольные ВСУ, особенно в местах перманентного вооруженного противоборства, в которых уже в настоящее время практически не осталось постоянного населения. Параллельно может происходить миграционный взаимообмен между двумя частями Донбасса. Часть украиноцентричного населения, все еще остающаяся на территории народных республик в ожидании возвращения киевской власти, по мере утраты такой надежды может начать переселение на украинский Донбасс или в другие области Украины. К тому же в ДНР и ЛНР может начать перемещаться русскоцентричное население сопредельных районов, оставшихся под контролем украинских властей.

При этом у данной миграционной циркуляции в пределах региона будет и этнодемографическая составляющая. Мы отчетливо наблюдаем несовпадение этнических и политических линий размежевания и противостояния. Но не вызывает сомнения и тот факт, что значительное большинство регионального русского населения приняло сторону повстанцев, а весомая доля местных украинцев хотела бы, чтобы Донбасс не выходил из состава Украины. Но необходимо учитывать и то, что данный регион является территорией с максимально высокой долей смешанного русско-украинского населения. Если в пределах остальной Украины биэтническое множество (потомство русско-украинских браков) составляет в настоящее время 10–15 % населения, то в Донецкой и Луганской областях к нему может относиться до половины местных жителей. Выбор стороны конфликта таким населением определяется суммой жизненных обстоятельств каждого отдельного человека.

Тем самым политическая судьба Донбасса будет в известной степени определять и дальнейшую этническую динамику его населения. Значительную часть миграционного оттока из украинской части региона в пределы народных республик будут составлять русские (включая смешанное население, этнически идентифицирующее себя как русское). А следовательно, перевес украинцев среди местного населения может быстро возрастать, тем более что оставшееся на данных территориях русское и биэтническое население будет подвергаться интенсивной украинизации.

Соответственно обратной будет эволюция этнической структуры населения народных республик. В случае их закрепления в качестве устойчивых административно-территориальных и политических образований в составе населения будут количе-

ственно преобладать русские (включая представителей биэтнического множества с русской этнической самоидентификацией).

Проведенное исследование позволило сделать выводы, которые можно представить в виде следующих тезисов.

1. Война на Донбассе привела к значительным потерям среди населения региона (многочисленным жертвам среди ополченцев, украинских силовиков и гражданских лиц). Существенными оказались и косвенные демографические потери двух восточных областей Украины (сверхсмертность населения, связанная с разрушением и деградацией здравоохранения и других систем социального жизнеобеспечения; существенное ухудшение воспроизводственных характеристик населения, масштабная миграция за пределы Донбасса).

2. Установить точные размеры прямых и косвенных человеческих потерь военного конфликта на востоке Украины в настоящее время невозможно. Официальные цифры, приводимые в отчетах ООН (более 9 тыс. чел. на середину ноября 2015 г.), не учитывают значительную часть жертв и потому являются значительно заниженными. К тому же оценки различных общественных организаций зачастую оказываются неоправданно высокими. Масштабы военных потерь, озвучиваемые сторонами конфликта, также не соответствуют действительности – каждая из них существенно (как правило, в несколько раз) занижает размеры своих потерь и аналогично преувеличивает потери противника. В результате цифры могут различаться на математический порядок.

3. Имеющиеся в информационном поле оценки общего числа прямых жертв конфликта на востоке Украине (весна 2014 г. – осень 2015 г.) располагаются в диапазоне от 7 тыс. чел. до 60 тыс. чел. Взвешенная экспертиза данного показателя позволяет говорить о 20–30 тыс. чел., включая потери среди военных Украины и ополченцев (в общей сложности 9–18 тыс. чел.) и гражданского населения (до 6–8 тыс. чел.).

4. Еще более существенными являются косвенные потери военного конфликта. Регион характеризуется повышенной смертностью населения и резким сокращением уровня рождаемости, а соответственно крайне высоким показателем естественной убыли. Даже ее приблизительная оценка, основанная на официальной статистике показателей репродуктивной активности населения региона (сокращение к 2015 г. рождаемости на 3–4 промилле), позволяет говорить о том, что Донбасс в течение последнего года недополучил около 19–20 тыс. новых жителей. Расчеты сверхсмертности местного

населения (как оставшегося в регионе, так и мигрировавшего за его пределы) дают для 2014–2015 гг. значения 30–40 тыс. чел. Таким образом, косвенные демографические потери конфликта уже составили около 50–60 тыс. чел.

5. Взвешенная оценка численности современного постоянного населения украинского Донбасса и самопровозглашенных республик позволяет сделать вывод о потере востоком Украины примерно 25–35 % его довоенного демографического потенциала. При этом масштабы потерь существенно различаются по отдельным городам и районам, напрямую коррелируя с расстоянием от линии вооруженного противостояния. Прифронтовые поселения в период боевых действий могли терять до половины и более своих жителей (в случае длительного нахождения населенного пункта на линии огня демографические потери достигали 80–90 % и более).

6. По состоянию на лето – осень 2015 г. население ДНР могло составлять около 1,5–1,7 млн чел., ЛНР 1,0–1,1 млн чел. В пределах территорий Донецкой области, подконтрольных украинским силовикам, осенью 2015 г. проживало около 1–1,1 млн чел. (что составляло 50–53 % от довоенного уровня), в пределах «украинской» Луганской области – около 550–570 тыс. чел. (до 80 % жителей от уровня 2013 г.). Однако очевидно, что данные цифры «промежуточные» и отражают текущую ситуацию. В случае закрепления наметившейся в последние месяцы военно-политической стабилизации на востоке Украины можно ожидать возвращение в регион значительного числа беженцев, способных существенно увеличить население как украинской, так и повстанческой частей Донбасса.

7. Возникшие в пределах региона новые границы, постепенно приобретающие все большую устойчивость, становятся важнейшими факторами пространственной трансформации исторически

сложившейся системы расселения региона. Становление самопровозглашенных республик в качестве политически независимых от Украины социумов неизбежно запустит процесс территориальной перестройки их поселенческой сети. Существенная коррекция при этом варианте развития ждет и систему расселения прилегающих к ДНР и ЛНР украинских территорий.

8. Еще более существенной в среднесрочной перспективе может оказаться трансформация национальной структуры населения украинской и про-российской частей Донбасса. Причем центральный вектор данной трансформации в них будет противоположным. На территориях, контролируемых Киевом, может ускоренным темпом развернуться этническая украинизация местного населения, тогда как в пределах самопровозглашенных республик будет столь же быстро идти процесс обрусения. И данные этнодемографические сдвиги могут определяться не только ассимиляционными процессами, но и интенсивным миграционным взаимообменом населения между двумя частями региона – «перетоком», происходящим в том числе по этническому и социокультурному признакам. Русскоцентричное население региона будет постепенно стягиваться в пределы народных республик (либо выезжать в Россию), а украиноцентричное – перебираться из ДЛНР в прилегающие районы Донбасса, подконтрольные Киеву (либо уезжать в другие области Украины).

Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 22 «Проблемы развития полиэтнического макрорегиона в условиях дестабилизации Каспийско-Черноморского зарубежья», проект «Этнодемография Донбасса – прямые и косвенные потери военного конфликта, сдвиги национальной структуры населения региона, демографические перспективы ДНР и ЛНР».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Матишов Г.Г. 2014. *Украина и Россия: книга иллюстраций взаимоотношений и истории (обстоятельства, риски, тенденции)*. Ростов н/Д, изд-во ЮНЦ РАН: 224 с.
2. Пихорович В.Д. 2014. *Украина между Западом и Востоком. Война на Донбассе*. М., изд-во Ленанд: 184 с.
3. *Украинский кризис: предварительные заметки*. 2014. М.; Ростов н/Д, изд-во «Социально-гуманитарные знания»: 200 с.
4. *Украинский кризис: предпосылки, формы и проявления: материалы круглого стола (1 октября 2014 г., Ростов-на-Дону)*. 2014. Отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д, изд-во ЮНЦ РАН: 256 с.
5. Число беженцев в Украине возросло почти до 1,3 млн человек – ООН. *Joinfo.ua*, 16.05.2015. URL: http://joinfo.ua/sociaty/1091767_Chislo-bezhentsev-Ukraine-vozroslo-13-mln.html (дата обращения: 10.09.2015).
6. Волк В.В. 2015. Беженцы Донбасса: декларации и реализация. *Rusrand.ru*, 03.06.2015. URL: <http://rusrand.ru/analytics/bezhentsy-donbassa-deklaratsii-i-realizatsiya> (дата обращения: 15.10.2015).
7. Матишов Г.Г. 2014. *Украина: геостратегический разворот (уроки истории – от Эльбы 1945 г. до Миус-фронта 2014 г.)*. Ростов н/Д, изд-во ЮНЦ РАН: 384 с.
8. Всеуничтожающий вал беженцев из Украины не состоялся. *Politrussia.com*, 20.04.2015. URL: <http://politrussia.com/>

- society/vse-unichtozhayushchiy-val-872/ (дата обращения: 10.11.2015).
9. Действия РФ в Крыму и на Донбассе подпадают под определение резолюции Генассамблеи ООН «Определение агрессии» – МИД. *Интерфакс – Украина*, 14.12.2015. URL: <http://interfax.com.ua/news/general/311256.html> (дата обращения: 14.12.2015).
 10. Немецкие СМИ сообщают о 50 тысяч жертвах на Донбассе. *Profi-forex.org*, 08.02.2015. URL: <http://www.profi-forex.org/novosti-mira/smi/entry1008244742.html> (дата обращения: 14.11.2015).
 11. Бои за Иловайск. *Wikipedia.org*. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%BE%D0%B8_%D0%B7%D0%B0_%D0%98%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%B9%D1%81%D0%BA#.D0.9F.D0.BE.D1.82.D0.B5.D1.80.D0.B8_.D1.81.D1.82.D0.BE.D1.80.D0.BE.D0.BD (дата обращения: 17.11.2015).
 12. Порошенко рассказал, сколько военных погибло за время АТО. *Korrespondent.net*, 09.03.2015. URL: <http://korrespondent.net/ukraine/politics/3488738-poroshenko-rasskazal-skolko-voennykh-pohyblo-za-vremia-ato> (дата обращения: 11.11.2015).
 13. Сводка общих потерь Украины. *Fssb.su*, 18.12.2015. URL: <http://www.fssb.su/press-center/press-center-info/947-v-nuland-zam-gossekretery-a-gosdepartamenta-ssha-dala-licenziyu-na-ubiystva-ukraincev-o.html> (дата обращения: 18.12.2015).
 14. Кровавая жатва Донбасса. Кто назовет точное количество жертв? *РИА Новости Украина*, 22.01.2015. URL: <http://rian.com.ua/analytics/20150122/362401837.html> (дата обращения: 14.12.2015).
 15. Естественное движение населения в 2015 году. URL: <http://www.ukrstat.gov.ua/> (дата обращения: 15.12.2015).
 16. Главное управление статистики Донецкой народной республики. URL: <http://glavstat.govdnr.ru/> (дата обращения: 11.11.2015).
 17. Государственный комитет статистики Луганской народной республики. URL: <http://gkslg.info/> (дата обращения: 11.11.2015).
- REFERENCES
1. Matishov G.G. 2014. *Ukraina i Rossiya: kniga illyustratsiy vzaimootnosheniy i istorii (obstoyatel'stva, riski, tendentsii)*. [Ukraine and Russia: a book illustrating interrelations and history (circumstances, risks, trends)]. Rostov-on-Don, SSC RAS Publishers: 224 p. (In Russian).
 2. Pikhovich V.D. 2014. *Ukraina mezhdz Zapadom i Vostokom. Voina na Donbasse*. [Ukraine between West and East. The war in the Donbas]. Moscow, Lenand: 184 p. (In Russian).
 3. *Ukrainskiy krizis: predvaritel'nye zametki*. [Ukraine crisis: the preliminary notes]. 2014. Moscow; Rostov-on-Don, "Sotsial'no-gumanitarnye znaniya" [Socio-humanitarian knowledge] Publishers: 200 p. (In Russian).
 4. *Ukrainskiy krizis: predposylki, formy i proyavleniya: materialy kruglogo stola (1 oktyabrya 2014 g., Rostov-na-Donu)*. 2014. [Ukrainian crisis: preconditions, forms and manifestations. Proceedings of the Round table (1 October 2014, Rostov-on-Don)]. Rostov-on-Don, SSC RAS Publishers: 256 p. (In Russian).
 5. [The number of refugees in Ukraine has increased to almost 1.3 million people – UN]. *Joinfo.ua*, 16.05.2015. URL: <http://joinfo.ua/society/1091767-Chislo-bezhentsev-Ukraine-vozroslo-1,3-mln.html> (accessed 10 September 2015). (In Russian).
 6. Volk V.V. [Refugees of Donbass: the Declaration and implementation]. *Rusrand.ru*, 03.06.2015. URL: <http://rusrand.ru/analytics/bezhentsy-donbassa-deklaratsii-i-realizatsiya> (accessed 15 October 2015). (In Russian).
 7. Matishov G.G. 2014. *Ukraina: geostrategicheskiy razvorot (uroki istorii – ot El'by 1945 g. do Mius-fronta 2014 g.)*. [Ukraine: Geostrategic U-Turn (Lessons of History – from the Elbe of 1945 to the Mius-Front of 2014)]. Rostov-on-Don, SSC RAS Publishers: 384 p. (In Russian).
 8. [Destroying the shaft of refugees from Ukraine has not taken place]. *Politrussia.com*, 20.04.2015. URL: <http://politrussia.com/society/vse-unichtozhayushchiy-val-872/> (accessed 10 November 2015). (In Russian).
 9. [Russia's actions in Crimea and the Donbass fall under the definition resolution of the UN General Assembly "Definition of aggression"]. *Interfaks – Украина*, 14.12.2015. URL: <http://interfax.com.ua/news/general/311256.html> (accessed 14 December 2015). (In Russian).
 10. [German media reported about 50 thousand victims in the Donbass]. *Profi-forex.org*, 08.02.2015. URL: <http://www.profi-forex.org/novosti-mira/smi/entry1008244742.html> (accessed 14 November 2015). (In Russian).
 11. [The fight for Ilovaisk]. *Wikipedia.org*. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%BE%D0%B8_%D0%B7%D0%B0_%D0%98%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%B9%D1%81%D0%BA#.D0.9F.D0.BE.D1.82.D0.B5.D1.80.D0.B8_.D1.81.D1.82.D0.BE.D1.80.D0.BE.D0.BD (accessed 17 November 2015). (In Russian).
 12. [Poroshenko told how many soldiers were killed during the ATO]. *Korrespondent.net*, 09.03.2015. URL: <http://korrespondent.net/ukraine/politics/3488738-poroshenko-rasskazal-skolko-voennykh-pohyblo-za-vremia-ato> (accessed 11 November 2015). (In Russian).
 13. [Summary of total losses of Ukraine]. *Fssb.su*, 18.12.2015. URL: <http://www.fssb.su/press-center/press-center-info/947-v-nuland-zam-gossekretery-a-gosdepartamenta-ssha-dala-licenziyu-na-ubiystva-ukraincev-o.html> (accessed 18 December 2015). (In Russian).
 14. [The bloody harvest of Donbass. Who can tell the exact number of victims?]. *RIA Novosti Ukraina*. [News of Ukraine], 22.01.2015. URL: <http://rian.com.ua/analytics/20150122/362401837.html> (accessed 14 December 2015). (In Russian).
 15. [Natural movement of population in 2015]. URL: <http://www.ukrstat.gov.ua/> (accessed 15 December 2015). (In Russian).
 16. [The main statistics administration of Donetsk people's Republic]. URL: <http://glavstat.govdnr.ru/> (accessed 11 November 2015). (In Russian).
 17. [The state statistics Committee of the Luhansk people's Republic]. URL: <http://gkslg.info/> (accessed 11 November 2015). (In Russian).

Поступила 16.12.2015